

ПУСТОТА КАК ПОТРЕБНОСТЬ В ОСМЫСЛЕННОСТИ (К ВОПРОСУ О «ПУСТОЙ ДУШЕ» ГЕРОЕВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Аннотация. Рано или поздно на человеческое существо ниспадает волна отчуждённости, обволакивающая его холодными объятьями, – это энтропия или, говоря чуть иначе, – пустота. К сожалению, философия, наука, религия и литература не дают конкретного понимания данного феномена, а уж тем более не объясняют, почему человека тревожит это, до колкости абстрактное, чувство, – чувство, которое можно объяснить по-разному; например, вот так: потеря вовлеченности и/или связи с миром, некая утрата осознания того, что ты «есть» и существуешь в мире в данный момент времени, утрата осмысленности жизни. Чтобы компенсировать или же нивелировать данное ощущение, человек направляет свои силы в одно из русл: в созидание или в разрушение. Так или иначе, но человек, являясь частью природы, не терпит неестественной «пустоты», вызываемой мировой отчуждённостью, поэтому он, человек, стремится всеми силами придать бытию значение – найти смысл. Человек не терпит бессмыслия, а природа не терпит пустоты, порождаемой бессмыслием. В настоящей статье мы попытаемся проанализировать понятия «пустоты» и – сопутствующее первому – «пустой души», что они, предположительно, из себя представляют и к чему приводят человека, а самое главное, в каких сферах бытия отображаются. Нас, в самую первую очередь, интересует литература: на примерах из неё мы рассмотрим вопрос о «пустой душе» некоторых литературных героев и попытаемся прийти к определённым выводам, базирующимся на данных философии и литературоведения.

Ключевые слова: ничто; осмысление; пустота; потребность; небытие; творчество; русская литература.

Сведения об авторе: Лютый Валентин Олегович, магистрант кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета.

Контактная информация: 628609, Россия, г. Нижневартовск, ул. Мира, 3б, ауд. 305; тел. 89048705655; e-mail: siderey@yandex.ru; sidereydesu@gmail.com.

V.O. Lyutyi

VOIDNESS AS A NEED FOR MEANINGFULNESS (TO THE QUESTION OF “EMPTY SOUL” HEROES OF RUSSIAN LITERATURE)

Abstract: Sooner or later, a wave of alienation descends on a human being, enveloping it with a cold embrace – this is entropy or, to put it a little differently, – emptiness. Unfortunately, philosophy, science, religion and literature do not provide a concrete understanding of this phenomenon, and even more so do not explain why a person is disturbed by this strikingly abstract feeling, a feeling that can be explained in different ways; for example, like this: loss of involvement and / or connection with the world, some loss of awareness that you are “existing” and exist in the world at a given moment in time, loss of meaningfulness of life. To compensate or level this feeling, a person directs his forces in one of the channels: in creation or in destruction. One way or another, but man, being part of nature, does not tolerate the unnatural “emptiness” caused by world estrangement, therefore he, the man, strives with all his might to give meaning to being – to find meaning. Man does not tolerate meaninglessness, and nature does not tolerate the void generated by meaninglessness. In this article we will try to analyze the concepts of “emptiness” and – concomitant to the first – “empty soul”, what they are supposed to be and what lead a person to, and most importantly, in what areas of being are displayed. We are primarily interested in literature: using examples from it, we will consider the “empty soul” of some literary heroes and try to come to certain conclusions based on data from philosophy and literary criticism.

Key words: nothing; comprehension; emptiness; need; nothingness; creation; art; Russian literature.

About the author: Lyuty Valentin Olegovich, master student of the Department of Philology and mass communciate of the Nizhnevartovsk state University.

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

А. С. Пушкин, «Я пережил свои желанья»

Есть множество сил, по сравнению с которыми человек – ничтожная величина; величина настолько незначительная, что, пожалуй, весомость жизни индивида нивелируется в абсолютное ничто; это что-то на уровне погрешности, которую можно осознать. И ирония в том, что мы сами это понимаем, но зачастую не принимаем из-за естественного, считай врождённого, отрицания пустоты.

Человеческое создание предельно затейливо и чудно, если не из-за проклятья разумности, то хотя бы по причине того, что мы пытаемся всё измерить, взвесить, классифицировать и прочее. Думаю, что когда-нибудь мы, люди, дойдём и до некой меры пустоты, за чертой которой будет абсолютное несуществование или, иначе говоря, – ничто. Пустота — это физический эквивалент «ничто», а стало быть, она не имеет никаких определений (Гайденко 1980: 262).

В том-то и ирония, что определений быть не должно, а они «есть» и будут впредь, как старая добрая шутка про «суслика», который «есть» – забава, достойная философии Дао и/или Буддизма в целом. Ведь подобно тому, как, по утверждению некоторых, земля покоится вследствие равномерного окружения, так необходимо покоиться и в пустоте, ибо нет оснований двигаться сюда больше, сюда меньше: поскольку это пустота, в ней нет различий (Гайденко 1980: 263).

Стоит заметить, что люди любят всё разделять на категории: душевная пустота; опустошённость от усталости; экзистенциальная пустота; пустота как некая мера в вычислительной системе и другие варианты, которые можно здесь привести; но у всего этого есть предельное состояние, которое было описано выше, а определение состояние – это абсолютное небытие или же «ничто», но как вообразить себе подобное? У. Эко считает, что подлинный читатель — это тот, кто осознает, что единственная тайна текста — это пустота (Есо 1990: 120).

Самый близкий эксперимент, помогающий приблизительно ощутить это состояние, таков: представьте, что вас нет на свете. Сложно? Вы можете миллиардом и одним способом доказать, что вы «есть», но можете ли доказать, что вы и правда существуете, что вовсе не «ничто»? «Вот совершенство! — воскликнул Свет. — Кто из нас может достичь этого? Я могу не быть, но не могу не быть даже в своем отсутствии. А вот оно дошло до этого. Как же ему такое удалось?» (Чжуан-цзы 2002: 220).

Присутствие и отсутствие одновременно – это порождение человеческого разума, который задумался о том, а есть ли он? В собственном сознании – определённо «есть», а в масштабе Вселенной, где триллионы галактик и ещё более звёзд, – всё равно что нет.

Так и?.. Что же такое ничто? Победа энтропии, где нет материи, а уж тем более её разумной вариации? Забава в том, что пустота существует только на уровне концепции, созданной людьми. Существует ли она в природе, Вселенной? Как что-то материалистическое – да, а как нечто метафизическое – тут возникают вопросы. И их, вопросов, будут целые мириады, пока мы сможем дать ёмкое исчерпывающее определение пустоте на абстрактном поле.

Возможно, стоит сузить простор для поиска? Например, нас интересует литература, а она изучает многие вещи, но в первую очередь «душу» человека, которая, как некоторые полагают, является нашей выдумкой, помогающей осмыслить и зачастую оправдать наше существование.

В светлой ночи ужасающего «Ничто» впервые происходит простейшее раскрытие сущего как такового: раскрывается, что оно есть сущее, а не «Ничто» (Хайдеггер 1993: 22).

Итак, в светлой ночи нас интересует душа человеческая и то, что с ней может сделать «пустота». Рассмотрим это мы попытаемся с позиции героев литературы, которые встречаются в канонах нашей русской классики, — это Евгений Онегин («Евгений Онегин А.С. Пушкина»), Григорий Печорин («Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова) и Клим Самгин («Жизнь Клима Самгина» М. Горького).

Первые два лишнего человека, не лишённые талантов и способностей, которые, тем не менее, отвергнуты обществом и пытаются найти смысл жизни, ответить самим себе на экзистенциальные вопросы бытия; вопросы же порождаются душевной «пустотой». Каждому из них чего-то яростно не хватает в жизни, чтобы ощущать себя живыми, а не вечно скупающими франтами среди суёты социума.

Природа, а человек определенно часть природы, не терпит «пустоты», поэтому каждый герой пытается компенсировать её чем-то своим: Онегин пестует праздность и ленивый кулёж, который разбавляет склонностью к мимолётным авантюрам, губящим его близких, а Печорин пытается найти смысл, любой смысл, пускай даже крайне разрушительный для личности — фатализм. Онегин страдает от скуки и сам скучен, так как приходит к полнейшей утрате чувств и эмоций, а вот Печорин хватается за соломинку и норовит погибнуть, держа её. Судьба его тяготит и интригует. До самого конца он похож на Онегина — бросается в авантюры то ли из-за тоски, то ли из-за алчности до впечатлений, но в отличие от Евгения, Григорий предаёт анализу все свои проступки и приходит к мысли, что раскаивается за них, но «вдогонку» — это бессмысленно, а значит, преисполнено «пустоты». Он приходит к выводу, что всё случающееся с человеком — фатум, судьба (глава «Фаталист»), а он для неё инструмент или, как он говорил (писал в дневниках) сам — топор судьбы, рассекающий судьбы все, что вокруг, а мы понимаем, что хороший «инструмент» должен быть отрешённым или же пустым, опустошённым, чтобы верно нести службу.

А что же Самгин? Самгин — кукла, которая мимикрирует под русского интеллигента. Он — симулякр или же иллюзия, материальная и ментальная оболочка «пустой души» или «пустотелого человека». Данная пустота обнаруживает себя, когда Самгин входит в близкие сношения с людьми, уступая голоду духа и тела, пытаясь разорвать оковы собственного одиночества.

Люди, в особенности женщины, узнают, поздно или рано, в нем «чуждое», безразличное существо, относительно успешно имитирующее чувства — сочувствие, любовь, дружбу, нежность, даже страдание. Пустота приемлет в себя все, что с настойчивой, напористой и бескомпромиссной силой стремится наполнить оную. Самгин в разные периоды своей жизни позволяет себе увлекаться чужими идеями, даже иногда выдает их за собственные мысли. Большевицкая идеология влечет его напористостью, суровой волей к власти над народной стихией, «веховским» взыванием к культурной миссии и проповедью служения высшим идеалам — культуртрегерской заботой, пропагандой единения народа и власти в годы мировой войны — ощущением прочности жизненных оснований. Идеи сталкиваются, поочередно уступая одна другой первенство во внутреннем мире Самгина и, соответственно, влияя на его поступки, но это только имитация духовной жизни, а не сама жизнь.

На самом деле мы можем даже не заикливаться на Печорине, Онегине и Самгине, а размышлять в ключе метафизическо-лиричном и далее. Если мы едины с естественной материей Земли, — которую мы, обычно, подразумеваем в некоем духовном ключе, — то рано или поздно мы должны наполнить эту «пустоту» чем-то.

Только вот что есть эта «пустота» внутри человека? Отсутствие эмоций, чувств? Нет, полагаю, что это некая абстрактная вещь, которую называют осмысленностью. Выше я писал, что момент осознания того, что тебе чего-то не хватает в жизни, или попытка осознать

«ничто», «пустоту» и себя через это – уже есть попытка осознанности, ведущая к тому, что рано или поздно будет избран путь, по которому пойдет человек. Или же нет.

«Пустотность» души – это не только лишь осознание; ты можешь понять, что чего-то не хватает в этой жизни – смысла ли? – только не всегда сможешь унять боль от утраченного. Природа не терпит «пустоты» и на вакантное место рано ли, поздно ли прибудет нечто: разрушение или созидание. Зачастую, если не удалось преисполниться порывами, которые приносят в мир гармонию, то на месте зияющей раны образуется порочное стремление наполниться хоть чем-то, что ведет к разрушению, хаосу и мортидо – инстинкту смерти.

Иными словами, «пустота» души – это потребность в осмысленности, которая прокрадывается во все сферы жизни и творчества, громко резонируя кричит о потребности знать, зачем и ради чего существует индивид, персонаж или целое общество.

ЛИТЕРАТУРА

Блаженный Августин. Исповедь. М., 1992.

Гайденко П. История греческой философии в ее связи с наукой. М.: Наука, 1980.

Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.

Чжуан-цзы: Даосские каноны. М., 2002.

Eco U. Interpretation and Overinterpretation: World, History, Texts. Cambridge University, 1990.